

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

ОТКУДА
ПОШЛА
РУССКАЯ
ЗЕМЛЯ

11665120

М. Б. БИБЛИОТЕКА
ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ

ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ОГИЗ
ГОСПОЛИТГИЗМАТ
1942

Издавая этот очерк, благодарю за помощь
профессора В. Н. КУНА, а также профессора П. А. КОРЫХАЛОВА
А. Т.

2282

2012

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Фонд редких
книг

2001

ОТКУДА ¹⁹⁵⁹ ШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

2012

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ ПО-НЕМЕЦКИ

Не следует думать, что только Гитлер приказал выдумать теорию о главенстве надо всеми народами «полноценной германской расы». Немцы задолго до первой мировой войны серьезно и планомерно занялись этим вопросом. Немецкая историческая наука с дальновидным расчетом капала ядом ложных теорий в умы народов и в первую голову — самих немцев. Это делалось в форме вполне корректной и облакалось в академическую беспристрастность. В школах Европы и Америки школьники заучивали истины, которые казались невинными и лишеными практического применения. На самом деле в них тайно был скрыт огромный стратегический план завоевания и порабощения мира германской империей.

Эти «истины», внедряемые с кафедр школ и университетов, со страниц почтенных исторических трудов и энциклопедий сводились в коренном к трем положениям, на которых и была взгромождена впоследствии фашистская расовая теория.

Положение первое: заселение Европы происходило путем передвижения народов индо-германской расы с Крыши Мира, то-есть с предгорий Памира и северной Индии, — на запад. До этого Европа была, будто бы, пуста. Первыми прошли кельтические племена, осевшие по берегам Атлантики и островам Великобритании, и те племена, которые на берегах Средиземного моря создали аттическую и римскую культуру. Затем началось движение племен голубоглазой, длинноголовой германской расы, заселившей среднюю Европу. Что касается славян — немецкая историческая наука говорит о них неохотно и скупно. Славяне тоже, будто бы, пришли в хвосте других рас с Крыши Мира, но находились в столь диком и хаотическом состоянии, что на них не стоило много тратить чернил и бумаги.

266
Положение второе: эти двигавшиеся в Европу расы, — так же как и все вообще расы на земле, — с самого начала своего возникновения несут в себе одним им свойственные физические, нравственные и общественные особенности, — как дуб всегда остается дубом, а тростник — тростником.

Кельтическая раса, например, одарена талантами, вспыльчива, драчлива, но, в общем, не полноценная и без будущего. Славяне — ленивы, вороваты, грязны, не способны к государственности, к мышлению и организованному труду. Зато всеми высшими человеческими качествами снабжена германская раса. Она предназначена судьбой к тому, чтобы принять власть над миром, стать господином среди других рас, — хочется это им, или не хочется... Жизненное пространство для немцев — весь земной шар, а новый порядок, обещанный Гитлером, — огромное блюдо дымящейся свинины для немца и унылые стойла для работающих на него других народов.

Положение третье: европейская цивилизация обязана своим происхождением и развитием исключительно германской расе. Германцы в пятом веке опрокинули римскую империю, влили свою полноценную кровь в дряхлый мир, на место растленных римских нравов утвердили суровую германскую нравственность и создали новый, феодальный порядок. В конце концов, если англичане также внесли кое-какой вклад в общечеловеческую культуру, то это потому только, что в их жилах — капля германской крови саксов и норманнов; если французы тоже что-нибудь сделали в свое время, — опять-таки благодаря только салическим франкам, обогатившим их галльско-кельтскую породу; сложнее обстоял вопрос с древней Элладой, создавшей мировую культуру, когда о германцах и слуху не было, — но и тут фашистские историки вышли из затруднения: древние греки, оказывается, перекочевали в Грецию из Бранденбурга, из Пруссии; чтобы сгладить некоторые противоречия с Гомером, у которого в Илиаде и Одиссее прямо указывается на различные греческие племена, населявшие Грецию еще в седой древности, — фашистские историки объявили Гомера евреем и на том пре-секли всякую дискуссию.

Участие славянских народов в европейской цивилизации, а также огромную роль Византии — немцы отрицают. Начиная с пятого века по сей день Европа создавалась немцами и при участии немцев, и тем самым немцы, завоевав в тридцать девятом году европейский континент, совершили акт исторической справедливости и сели в Европе законными хозяевами и господами.

Под видом науки немцы превратили сознательно искаженную и подтасованную ими историю в политическое оружие

для подготовки мировой агрессии. Мы обязаны очистить замутненный источник знания и восстановить историческую истину. Эта задача входит в грандиозный и смелый план послевоенной реконструкции мира, в котором должны быть искоренены всякие возможности предпосылки для повторения кровавой агрессии со стороны немцев или их сообщников. Мир не будет очищен до конца от корней кровавых авантур, если наука жизни — История — останется попрежнему пропитанной немецкой ложью и если героем школьных учебников будет попрежнему представитель «высшей германской расы».

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Это одна из замечательнейших сказок для детей. Переселения рас с Крыши Мира в пустую Европу не было и не могло быть. Движение народных масс подобно морским волнам, — кажется, что они бегут издалека и разбиваются о берег, но вода неподвижна, лишь одна волна вызывает взлет и падение другой. Так и народы в своей массе обычно неподвижны, за редким исключением; проносятся тысячелетия над страной, проходят отряды завоевателей, меняются экономические условия, общественные отношения, племена смешиваются с племенами, изменяется самый язык, но основная масса народа остается верной своей родине.

На исторической памяти происходили движения германских племен во времена римской республики и империи, славян — в эпоху Византии, гуннов, арабов, турок, монголов; в еще более ранние времена нашествию кочевников подвергались огромные империи Малой Азии и богатый Египет; во втором тысячелетии до н. э. архаическая Индия с высокой туземной культурой была завоевана варварскими племенами, называвшими себя ариями, или арийцами, родиной которых был современный Узбекистан и Таджикистан; вероятно подобные завоевательные передвижения были и за пределами нашего исторического знания; но во всех случаях двигались не народы, ни тем более расы, — но вооруженные отряды варваров шли для грабежа или завоевания на государства, стоящие на более высокой ступени цивилизации.

Такие авантюры начинались в эпохи, когда тот или иной варварский народ, кочевой или оседлый, уже изживал свой родовую строй и под давлением внешних толчков и внутреннего роста и обостряющихся противоречий переходил от патриархальной тишины и разобщенности к бурной эпохе созидания племенных союзов и образования военной демократии. Законы развития одинаковы для всех народов, каков

бы ни был у них цвет кожи. На классическом примере Чингиз Хана можно проследить всю механику так называемого «переселения народов». Чингиз Хан был типичным вождем союза монгольских племен, избранным военной демократией курултая. В поход с ним пошло всего три тысячи всадников монголов — его гвардия. Все остальное бесчисленное многоплеменное войско, с которым он, его сыновья и военачальники завоевали и разграбили полмира, налипло в пути. Но сами монголы и народы, давшие ему отряды воинов для завоевания, остались на месте.

Таким образом, если принять предположение, что европейские народы — кельты, германцы и славяне — пришли в Европу с Крыши Мира, то на Крыше Мира должны были сохраниться хотя бы остатки этих народов, некогда пославших на запад дружины завоевателей. Но ни кельтов, ни германцев, ни славян ни на Крыше Мира, ни поблизости не обнаружено. Лишь обнаружен санскрит — праязык, многие корни которого общие для языков некоторых племен Индии, Персии, кельтов, германцев и славян. Но это важное обстоятельство лишь доказывает, что на огромной территории от Индии до Атлантического океана некогда жили племена с близкими формами общественного развития и, тем самым, близкими формами праязыка. Европа была заселена еще в глубочайшей древности, восходящей к палеолиту, и человеческие стаи в ней начинали общее для всех медленное восхождение по ступеням цивилизации.

Никогда не было и не могло быть никакой отдельной «германской расы». В патриархальные времена родового быта и кельт, и германец, и славянин равно жили в огороженных селениях, в круглых хижинах из прутьев и тростника, обмазанных глиной, равно сеяли ячмень, пшеницу и просо, ловили рыбу, били зверя и ставили силки на птицу, добывали мед из дуплистых деревьев, равно поклонялись покойным предкам, верили в духов вод и деревьев, называли солнце и соль звуком «сл», а деревянный плуг — звуком «р», или «ор», и дрались род с родом из-за угодий и женщин.

И только уже на ступени родовых союзов, или укрупненного хозяйства, начинают оформляться различия в общественных формах и обычаях, обогащается и развивается язык. И только в зависимости от близости к римской цивилизации европейские народы проходят одни более ускоренно, другие медленнее свой путь развития. Кельты, в частности галлы, раньше и теснее соприкоснулись с Римом, в Галии были уже и цирки, и бани, и школы, и великолепные дороги, когда комсатые германцы еще жили зверинским обычаем по своим лесам между Рейном, дунайской границей на юге и рекой

Лабой (Эльбой) на востоке. Еще отдаленнее от центров мировой цивилизации находились славяне. Земля их была не-померна: от Лабы — по всему побережью Балтики, по Неве, Волхову, Ильмень озеру и Оке — проходила их северная граница; на востоке славянские поселения достигали Дона и спускались к Азовскому морю; на юге — по всему Причерноморью до устья Дуная; юго-западной границей был Днестр; их древнейшие, наиболее заселенные, места лежали по Днепру и его притокам.

Только южные славянские племена тесно соприкасались с Римской империей, — поэтому история создания славянских государств начинается на юге и история Русской земли — на Днепре, вокруг Киева.

ГОТЫ — ПО-НЕМЕЦКИ

Как известно из учебников, над которыми потрудились немцы, одному из германских племен, готам, посчастливилось на исторической сцене. Вестготы завоевали Испанию, остготы разрушили Римскую империю, и их короли стали именоваться римскими императорами. Все средневековье, включая крестовые походы, шумит и гремит немецкими именами. Готы были теми самыми представителями германской расы — белокурыми, голубоглазыми, с удлинненными черепами, — кто принес в загнившую под римским владычеством Европу новую, свойственную только германцам, здоровую варварскую культуру, суровую нравственность и все высшие человеческие качества.

Готы были зачинателями феодальной Европы, готы окутали романтикой величия, славы и силы все народы германской расы и повели их к исполнению исторической миссии, которая в наши дни осуществляется Гитлером.

ГОТЫ — НА САМОМ ДЕЛЕ

У готов, действительно, были очень длинные черепа. В 1927 году раскопки в Крыму, вблизи Бахчисарая, в двух пещерных городах обнаружили готские захоронения и в них — узкие, неестественно вытянутые, черепа. Немецкие археологи, принимавшие участие в раскопках, пришли в восторг от подтверждения такого расового признака. Но советские археологи указали им на то обстоятельство, что нормально череп не может расти вверх и обнаруженная форма объясняется лишь тем, что готы бинтовали черепа

у младенцев, придавая им благородную форму, в ущерб, естественно, умственному развитию.

Останки найденных под Бахчисараем готов были потомками тех остготов, которые в четвертом веке при нашествии гуннов бежали в гористую часть Крыма и там мирно прожили до завоевания его Екатериной Второй, ничем за двенадцать столетий не обнаружив себя в культурном отношении, кроме бинтования черепов.

До второго века новой эры готы жили в северо-западной Германии, по Одеру, родовыми объединениями, как и другие германские племена. Юлий Цезарь не слишком высокого мнения об этих варварах: они сражаются шумными и нестройными толпами, вооруженными щитами из ивняка, копьями и топорами, в бою яростны, но легко подвергаются панике и бегут, бросая даже повозки со своими женами и детьми; в мирном быту мужчины их знать ничего не знают, кроме охоты, драки и обжорства на пирах, — работают у них женщины. Войны и сношения с римлянами всколыхнули их застоявшееся патриархально-родовое болото. Римские историки застают их, как раз, на ступени распада родовой формы объединения; у них создаются союзы племен, отряды воинственной молодежи устремляются к завоеваниям и за добычей.

Во втором веке такие отряды германцев, возглавляемые племенем готов, пробираются через дремучие леса и болота средней Европы на юг к Черному морю.

Что их влекло туда? Причерноморье с незапамятных времен было насиженным местом народов. Гомер и затем Геродот упоминают о древнем народе, жившем в тех местах — киммерийцах; их покорили и рассеяли скифы, часть киммерийцев ушла на юг Крыма, в горы, и под именем тавров просуществовала там до покорения Крыма римлянами. Скифы и — позднее — покорившие и прославившие их сарматские племена, близкие к славянам, и некоторые славянские племена, объединенные в племенной союз, распространились по всему Причерноморью, по Кубани и по степной части Крыма. Они тесными торговыми связями соприкасались с эллинской культурой греческих черноморских колоний и таких городов, как Ольвия, Херсонес и Пантикопей (Керчь) — бывшего столицей Боспорского царства. Они развили высокую земледельческую и скотоводческую культуру. Скифянки выходили замуж за греков, скифские купцы принимали гражданство греческих городов. У скифов были крепости, или городища, такие, как Неаполь, — как его называли греки, — обнаруженный под нынешним Симферополем.

Готы со всем пылом голодных завоевателей вторглись в пределы скифо-сарматских земель, покорили местные племена и встали во главе огромного скифо-сарматского племенного объединения. Готы были дики, покоренные ими народы — культурны. Произошло то, что в этих случаях всегда происходит: оставаясь во главе союза, давая ему свое имя, готы восприняли скифо-сарматско-эллиническую культуру — обычаи, законы, земледелие, заимствовали частью и язык. Так прошло полтора столетия.

В четвертом веке с востока на Европу двигался военный союз кочевых племен, во главе которого стояло племя Хунну. Волоча за собой орды воинов покоренных племен и народов, гунны прошли, как саранча, широкой полосой через Северный Кавказ и напали на готов. С этой исторической даты и начинают немецкие профессора историю германизации европейской культуры.

РАЗГРОМ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Готский союз причерноморских племен рассыпался под ударами гуннов. Часть народов была истреблена, часть отошла с дороги страшных кочевников, часть, — силою или своей охотой, — примкнула к гуннскому поступательному движению. Испугавшись разгрома, ушла из-под ударов лишь часть западных племен союза, возглавлявшихся вестготами, — они бежали через Балканы и после долгих странствий и приключений докатились до Испании, повоевали ее и осели на Пиренеях и в северной ее стороне.

Возглавляемые гуннами пестрые толпы тюрков, монголов, скифо-сарматов, аллан Северного Кавказа и восточных племен готского союза, или остготов, среди которых было много славян, на бесчисленных телегах, арбах, верблюдах, волах и конях, разметая все на своем пути на запад, вторглись в Паннонию (нынешнюю Венгрию) и образовали зыбкую и недолговечную империю гуннского царя Атиллы, прозванного «бичом божьим».

Главной предстоящей добычей для всех этих варваров был Рим. Старый римский мир уже исчерпал до конца все возможности рабовладельческого экономического и общественного строя, — смертельные противоречия раздирали его. Римские рабы с горячностью ждали пришествия варваров — избавителей; повсеместно вспыхивали восстания, и толпы людей, превращенных римским правом в домашних животных, бежали к варварам, чтобы получить свободу и оружие; высшее римское общество — выродившиеся патриции, импе-

раторская знать, ростовщики, миллионеры вольноотпущенники и землевладельцы — без надежды и сопротивления глядели, как рушится здание империи, не пытаясь более бороться — уединялись по своим загородным усадьбам, где фантастическая роскошь, упадочная буколическая поэзия и меланхолия, возведенная в изысканную моду, скрашивали их последние считанные дни.

Рим нужно было только толкнуть. Немецкие профессора приписывают эту честь остготам. На самом деле в пределы гибнущей империи ворвались те же пестрые толпы варваров, прошедшие у гуннов школу войны и грабежа. И готам, действительно, принадлежит главная часть бессмысленного разрушения великой цивилизации. Рим, центр мира, запылал так под торжествующие вопли буйноволосых германцев, колотивших от восторга в свои щиты, что казалось, что в костер Рима были кинуты все восемь столетий классической культуры и дымом развеялись в опечаленном небе.

Грабя и яростно разрушая города, цирки, дворцы, храмы, театры, библиотеки, германцы положили «зону пустыни» между римской цивилизацией и днем своего торжества. После этого деяния Европа на семь столетий закрывает свое лицо тьмой средневековья, — таковы плоды германизации Европы. Король остготов, Теодорих Великий, однажды произнес афоризм, особенно понятный в современной Германии: «Дело германца владеть мечом, а не пером...»

Тем не менее германцы принесли в разрушенную Европу ростки новой культуры: это была их варварская земледельческая община, германская марка, — она увеличивала производительность труда земледельца и служила защитой его прав и собственности от покушений феодала; но не приходится говорить об особенной германской культуре, — те обычаи, нравы, законы, которые начали внедряться в новую жизнь на место обесцененного римского права, были не германского, но «готского» происхождения, иными словами — были тем культурным достоянием, которое готы завоеватели переняли от сарматско-эллинской причерноморской культуры.

Когда стихнул грохот крушения античной цивилизации, когда варвары разорили в Западной Европе все, что можно было разрушить и пограбить, заросли травой римские дороги и в императорские дворцы залетали птицы, — одичавшая Европа перешла к очередным делам нового порядка: это был переход от рабовладельческого общества, с которым было покончено навсегда, к еще неизведанным формам феодализма.

Германские короли в ту раннюю эпоху сколачивают наспех огромные государства, величина которых не соответствует их экономическому содержанию и разноплеменный состав не

дает никакой прочности. Это чистейший авантюризм германской военной знати, у которой на памяти все еще пример величия Рима. Война — закон высшей нравственности для этих, могучих телом, королей и баронов, не знающих грамоты; из-под развалин Рима они вытащили только христианскую религию, необходимую им для благословения их насилия и разбоя. Герою всех школьных учебников, Карлу Великому, удаётся сколотить мировую империю, охватывающую всю Европу, кроме славян, но эта фантастическая Вторая Империя, поглотившая столько напрасных жертв, лопается незамедлительно, как мыльный пузырь.

Через двенадцать веков Гитлер решился повторить подобную авантюру, — горько ответит за это германский народ под развалинами Третьей Империи.

НЕМЦЫ О СЛАВЯНАХ

Нет нужды повторять все глупости, сказанные немцами о славянах, — основное сказано Гитлером: «славяне должны уступить «жизненное пространство» немцам и исчезнуть с лица земли, как низшая раса недочеловеков».

Двенадцать веков идет упорная борьба между немцами и славянским миром, который стратегически находится в менее выгодном положении, чем немцы: Германия, сосредоточенная в центре Европы, имеет возможность наносить массированные радикальные удары по периферийно-расположенным славянским государствам. И все же тщетны были германские усилия за двенадцать веков: большинство славянских народов, даже малочисленные, отстаивали свою свободу и независимость, и немецкие свирепые рыцари хорошо запомнили удары славянского меча.

Ненависть к славянам и дальнеприцельная задача принижения, их была так велика, что немецкие профессора засовывали нос в самые отдаленные потемки славянской истории, разнюхивая в ней пробы и неясности, и во всех этих местах сейчас же подсовывали своих индо-германцев, без которых славяне и по сей день жили бы, как скоты. Но в некоторых случаях было невозможно скрывать истину о великих исторических событиях славянского мира, особенно об огромной их заслуге перед цивилизацией: о славянизации Византии. Эти случаи немцы обходят либо молчанием, либо рассказывают о них петитом. Они прекрасно понимают решающую роль Византии в переходе Европы от раннего средневековья к Возрождению; они хорошо помнят о тех временах, когда еще не знавшие грамоты их короли и бароны жили вместе с собаками, лошадьми и звероподобными егеря-

ми в залах-конюшнях своих разбойничьих замков, — а Великая Болгария уже состязалась в культуре с Константинополем, переводила книги с греческого и латинского на славянский язык и посылала монахов к соседям — учить грамоте; а на путях византийской торговли с западом возникают славянские, крепкие своим единством, цветущие государства: Чехия, Словакия, Богемия, Моравия, Хорватия, Сербия, шумная своими страстями Польша, под ударами ее сабель трещат немецкие головы, и коронованные немцы смиренно преклоняют колени; в то время, когда все культуртрегерство германских крестоносных рыцарей, в пропахших конским потом плащах, направлено было к вооруженному захвату славянских земель и созданию крепостного населения, которое безысходно и безропотно должно работать на этих краснорожих романтиков, с животами раздутыми от пива, — в Праге основывается университет — второй в Европе, а Киев при Ярославе, шумный, красивый, златоглавый, становится вторым после Константинополя центром торговли, искусств и политического влияния.

Чтобы создать все внутренние и внешние политические условия для захвата славянских государств, немцы упрямо доказывают отсутствие исторического и морального права славян, как не способных к культуре и государственности, владеть своими исконными землями. Но самая жгучая ненависть немцев — к России, самое неприкрытое презрение — к русским.

НЕМЦЫ О РОССИИ

Два с половиной столетия немцы уверяли весь мир и нас в том числе, что русское государство было создано в десятом веке германцами — норманнами — из диких славянских племен, живших до этой исторической даты на низшей ступени варварства, без признаков государственности; в дальнейшем вся история России связана с немцами — государственность, торговля, промышленность, наука шла от немцев; а наше исконное, русское были лишь природная анархия, расхлябанность, свинство; в революцию Россия изгнала немцев, решила обойтись без услуг немецких промышленников и торговцев, генералов, дельцов и администраторов, — это ей будет стоить жизни! — так сказал Гитлер. Россия и русские должны сойти с исторической сцены и предоставить германскому народу все ее 23 миллиона квадратных километров земельных, лесных и водных угодий с недрами, реками черного золота и покорными русскими мужиками, которые должны быть благодарны, если Гитлер им подарит жизнь.

При Петре Великом была переведена на русский книга прославленного историка Пуффендорфия; в ней есть такие строки: «Не токмо шведы, но и другие народы европейские имеют ненависть на народ русский и тщатся оный содержать в прежнем рабстве и неискусстве, особливо же в воинских и морских делах, дабы *сию русскую каналию* не токмо оружием, но и плетью со всего света выгонять...» От Пуффендорфия до Гитлера — единая четкая линия: «изгнать со света русскую каналию».

Мы же, русские, были всегда скромны от сознания своей величины и силы, от сокрушения над своими недостатками; интеллигенция наша всегда была совестлива и великодушна и, почитая науку, уважительно поглядывала на сухой немецкий профессорский палец, поднятый над кафедрой, с которой раздавалась хвала германской расе. От безбрежности душевной мы даже жалели бедных немцев. Князь Александр Ярославич эту расу бил, Иоанн Грозный — бил; когда Петр Великий был в Берлине — король Фридрих униженно просил у него городишек, повоенных фельдмаршалом Меншиковым; при Елизавете опять эту расу били жестоко; при Александре I немцы кланялись и просили городишек; Николай I из фанфаронства подарил Венгрию австрийским Габсбургам... Как русскому широкому сердцу было не жалеть бедных Микелей...

Два с половиной века немцы настойчиво и планомерно влезали в русскую жизнь; немцы командовали русскими армиями, управляли дворянскими именьями, обучали русскую молодежь в гимназиях и университетах, немцы селились колониями на русских землях; но Россия к их досаде продолжала оставаться русской, — у них нехватало ума и таланта, чтобы состязаться с русскими в литературе, в искусствах, в политике; даже в науке, — этой как будто привилегии немцев, — они были кропотливыми систематизаторами, талантливыми ремесленниками, но никогда не держащими изобретателями; дерзали и изобретали русские, — немцы лишь их обкрадывали и русский гений продавали за свой; со второй половины XIX и в начале XX века немецкий капитал вел большое наступление на Россию; царица-немка во время войны стояла в центре шпионской организации, которая под фирмой Всеобщая Компания Электричества легально просуществовала до самой революции. И внезапно, когда Россия, как колония, была вот-вот уже в немецком кармане, — Октябрьская революция решительно и навсегда стряхнула с России вцепившихся в нее немецких паразитов. Понятна фашистская ненависть к Советской России, понятны бредовые мечты Гитлера о «крестовом походе» на Советскую Россию.

СОРОК СТОЛЕТИЙ КИЕВА

Киев — столь древнее место, какого, пожалуй, еще нет в Европе. В конце прошлого века в Триполье под Киевом были обнаружены остатки больших жилищ с утварью и инвентарем, относящимися к третьему тысячелетию до новой эры; при дальнейших раскопках перед русскими археологами стала раскрываться удивительная картина: Трипольская культура, как ее назвали, охватывает огромный район по Днепру, Бугу, Днестру, нижнему Дунаю. Под слоями третьего тысячелетия открываются еще более древние остатки пребывания человека на этих местах, и древность эта уходит в седые века, к долювиальной, доледниковой эпохе.

Встает вопрос о прародине культуры европейского человека именно в этих местах, в частности — по берегам Днепра, или Славутича, как он назывался прежде, — реки славян. Изысканиями советской археологии устанавливается общность Трипольской культуры — эпохи неолита и раннего металла — с Балканским полуостровом, с архаической Грецией — Арголидой, с Троей и наконец — с эгейской культурой Крита.

Человек Триполья был земледельцем, жившим в больших домах, с двухскатной крышей, с глинобитным полом, со многими очагами и перегородками, бытом первобытной коммуны, по всей вероятности под властью Матери, главы рода. Недаром древние греческие мифы, рассказывая об амазонках, помещают это царство женщин в Причерноморье.

Установлено еще более замечательное обстоятельство: Трипольская культура не имеет катастрофических разрывов ни с прошлыми веками, ни с последующими; в слоях ее нигде не обнаруживается гибели туземцев и заселения их пепелищ пришлым народом. От каменных топорков и грубой лепной посуды неолита до саркофага Ярослава — на протяжении многих тысячелетий — поколения сменяли поколения на берегах Днепра: трипольцы, скифы, сарматы, славяне-венеды, славяне-анты, поляне... В колыбели русского государства — непрерывная линия развития вплоть до золотых времен Киева, когда русский человек ходил в огромные походы со Святославом, строил Софию, торговал с Персией, и с Царегородом, и с Римом, и с Парижем, на княжьем дворе слушал сказания вещего Баяна под рокот струн, или проливал слезы над былью о походе князя Игоря...

Немецкие профессора пришли в ярость от того, что в Триполье могло обойтись без участия германской расы. Получался политический скандал, и со всем фашистским невежеством немцы самоуверенно заявили, будто Трипольская культура организована германскими племенами во время их дви-

жения с Крыши Мира в Европу. Пришли, организовали и ушли, и Днепр с Киевом, стало быть, издревле германская колония. Так делается история по-немецки. Полемизировать с ними не имеет смысла, — в нашу эпоху вразумить немца можно только штыком.

АНТЫ

До шестого века славянские племена в упоминаниях греческих и римских историков скрываются под общими именами скифов, сарматов, роксоланов, венедов. Славяне этой эпохи входили в крупные и часто грозные для римлян, но быстро распадающиеся племенные союзы причерноморских варваров. Римская империя отбивалась от них и строила укрепления по Дунаю. Имя славян-венедов упоминается в третьем веке, когда император Волусиан отчеканил медаль, на которой называет себя «императором венедов», — победителем венедов. Сведения о славянах этого времени очень скудны, известны лишь их многочисленные клады римских и греческих монет, особенно много их в бассейне Днепра, в городах и городищах, что указывает на происхождение бесчисленных кладов не только военное, но и торговое; Днепр в гораздо более отдаленные времена, чем мы думали, был торговой дорогой славян и Киев — старым торговым местом.

С шестого века византийские историки много начинают писать о славянах-антах, живших между Днепром и Днестром, — славянское имя их — дулебы, или воляныне. Анты составляли мощный военный племенной союз. В 540 году они прорываются через линию крепостей, построенных императором Юстинианом по Дунаю, проникают почти до Константинополя и в Греции — до Фермопил, где их с трудом задерживают. Часть их там оседает на аттической земле большими семейными общинами, или задругами.

Почти целое столетие идет напряженная борьба между антами и Византийской империей, все большее количество антов садится пахать землю в пределах Византии. Греческий историк пишет о них: «Славяне стали господами нашей страны и живут в ней, как в своей собственной, без заботы и страха; имеют золото и серебро, стада коней и много оружия и они изучили военное дело лучше ромейцев...»

По описаниям современников анты велики ростом, большой физической силы, храбры и выносливы, не склонны ни к рабству, ни к повиновению. Знаменита их пехота, вооруженная огромными щитами, прямыми обоюдоострыми мечами и копьями.

Их многочисленные поселения между Днепром и Днестром

обычно расположены в труднодоступных местах, — это небольшие городища, обнесенные рвом и дубовым тыном, где деревянные или глинобитные дома соединены подземными переходами друг с другом. У антов нет единой державной власти, но они собираются на общенародные собрания, как греки эпохи басилевсов, и совещаются обо всем, в особенности о военных делах. Они свирепы и бесстрашны в бою, но дома — гостеприимны и незлобивы. Захваченных в плен неприятелей они делают рабами, но по их закону каждый раб через определенный срок может получить свободу, после чего по своему выбору или возвращается на родину, или остается у славян как «свободный друг». Если кто-нибудь обидит их гостя — обидчику мстят смертью.

СЛАВЯНИЗАЦИЯ ВИЗАНТИИ

Восточная часть Римской империи — Византия — не рухнула подобно западной — Риму — и не погребла под развалинами античную цивилизацию. Византия на тысячу лет пережила Рим. Трудный и крайне опасный переход от рабовладельческого общества к феодальному был счастливо совершен ею благодаря варварскому славянскому миру; обе стороны выиграли от упорной и кровавой борьбы: Византия получила мощный приток трудолюбивых славянских общин, славяне — взяли от нее достижения культуры, которые дали им возможность быстрого перехода от родового строя к феодализму, минуя, казалось бы, неизбежный при иных условиях, рабовладельческий строй. Византия и славяне счастливо разрешили задачу исторической диалектики, — превратив войну и разорение в развитие и укрепление византийского и славянского мира. Так не случилось с западной частью Римской империи, — Рим был разрушен, а варвары-германцы погрузились в темные века средневековья: у Рима не оказалось внутренних сил преодолеть революцию рабов, германцы того времени находились еще на слишком низкой ступени варварства, за их плечами не было, как у антов, тысячелетий земледельческой культуры и отсюда — любви к земле. Ант-славянин не расставался с мечом, но землю он ценил, все же, дороже военной добычи. Ант, как мифический Антей, силу свою находил в прикосновении к земле.

Выдержав потрясения пятого и шестого веков, Византия стала хранительницей великой античной культуры. Это, отчасти, наложило отпечаток консерватизма и кропотливого собирательства на ее дальнейшую культурную деятельность. В Константинополе и других городах собираются, комменти-

ругаются и систематизируются греческая и римская литература, философия, произведения искусств, составляется свод римских законов, который впоследствии ложится основой в кодекс римского права. Константинополь — центр торговли со всем известным в то время миром, посредник между древними культурами Ближнего востока, Персии, Средней Азии, Индии, Китая, — он подобен кладовым скупца, где собираются и хранятся несметные сокровища.

В то же время нищая Европа, затиснутая в удушающие формы феодальной иерархии, оглашаемая погребальным звоном монастырских колоколов и хриплыми трубами со стен баронских замков, жаждет, как грозового ливня, освободительного пришествия Ренессанса. В крестовые походы Европа узнает сладость Востока и блеск иных культур, одно только разорение Константинополя рыцарями-крестоносцами оживляет торговлю Западной Европы бесчисленными караванами награбленного золота, драгоценных тканей и иных сокровищ; новый класс, с новыми экономическими задачами требует себе пути в жизнь; нужны новые идеи, новые боевые знамена. Византия за два столетия до своей гибели передает из рук в руки Европе и всему миру великое наследие эллинского, римского и восточного мира — Ренессанс. Семена Ренессанса заносятся с Востока — через Византию, и пышно расцветают именно в борьбе с окостеневающими формами византийского искусства.

Такова заслуга Византии перед европейской цивилизацией. Не германцы, а Восток и славянский мир сомкнули порвавшуюся было золотую цепь преемственности культуры.

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ

В седьмом веке анты, уже не испытывая крупного сопротивления, большими вооруженными отрядами переходят Дунай и садятся на землю почти по всему Балканскому полуострову, по берегам Эгейского моря, часть их на долбленых ладьях — дубах — переправляется на остров Крит, несколько сот тысяч пробиваются через Геллеспонт в Малую Азию. Повсюду они селятся семьями, или дворищами: отец, братья, сыновья, внуки, с общим хозяйством и общим имуществом; группа таких дворов образует общину, или вервь (подобно германской марке); несколько вервей составляют округ, или жупу, под управлением выборного старейшины, жупана. Такой родовой строй оказывается очень выгодным, сплачивает переселенцев, предохраняя их от распыления и порабощения и повышая производительность хозяйства.

Военный союз антов распадается. Восточные славяне, тяготеющие к бассейну Днепра, начинают стягиваться в крупные племенные объединения: это вольняне, поляне, древляне, дреговичи, родимичи, северяне, вятичи, кривичи, приильменские славяне. Хозяйство их усложняется и углубляется классовое расслоение. Государствами еще правит вече, бывшее когда-то всенародным, — теперь под вечевой колокол сходятся только лучшие люди, — воины, землевладельцы, купцы, — вся военноторговая демократия. Одновременно с вече правит князь — когда-то племенной владыка, теперь — военачальник. Если время тревожное или на вече раздоры и несогласия — городом и землей правит князь; если время мирное и лучшие люди дружно отстаивают свои дела — верховодит вече. Строятся города, в которых живут торговые люди, крупные землевладельцы или «старцы градские», князьи дружинники, ремесленники. Большинство крестьян — свободные люди, хотя у «старцев градских» имеются рабы, взятые как военная добыча.

В народном хозяйстве все больше образуется излишков, поступающих в виде дани князю и его дружине и «градским старцам». Торговые люди — полувоины, полукупцы — протаривают дороги к двум центрам мировой торговли: на юго-запад к Константинополю и на юго-восток к Итилю — столице хазарского царства. Арабский путешественник рассказывает об этих русских торговых людях:

«...Я не видал людей с более совершенными членами, как будто они — пальмовые деревья. Они — не носят ни курток, ни кафтанов, но мужчины надевают плащ и одну руку выпускают из него. Каждый имеет при себе меч, нож и секиру. Они приходят из своей страны, бросают якорь в Итиль (Волгу) и на берегу ее строят большие деревянные дома. В одном же доме они собираются, у каждого есть скамья, на которой он сидит, вместе с красивыми своими девушками, для торга...»

Изю всех восточных славянских земель в девятом веке выделяются, — по словам арабских историков, — три наиболее сильных народоправческих государств: Славия, Куяба и Артания. По-русски это будет: Новгород, Киев и государство приазовских и прикрымских славян — Артания, позднее княжество Тмутараканское.

ВЕЛИКИЙ СПОР НОВГОРОДА С КИЕВОМ

Из учебников известно, что в 862 году ильменские славяне (новгородцы), кривичи и племена чудь и весь, не в силах более жить «зверинским обычаем», в раздорах друг с другом,

послали за море послов к варяжскому племени Русь, и послы сказали Руси: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет, приходите править и владеть нами». Глава племени — Рюрик, всем табором, с женами и детьми, вышел на зов и сел князем в Новгороде, а братья его — Синеус — в Белозеро и Трувор — в Изборске, близ Чудского озера. С того и пошла Русская земля.

У пленных и убитых фашистских солдат в ранцах обнаружен краткий справочник по русской истории, в котором целиком приводится эта легенда, за которую немцы держатся очень крепко: во-первых, — она свидетельствует о бессилии русских одним, без посторонней помощи, построить государство, во-вторых, документально указывает на немцев — истинных строителей Русского государства. А отсюда — уже прямое заключение, что Россия — старая немецкая колония.

Советская историческая наука на основании позднейших археологических открытий и сравнительного изучения древних текстов со всем беспристрастием представляет нам вопрос о варягах в следующем виде.

В девятом веке северные народы Норвегии, Швеции и Дании, прозывавшиеся норманнами, переживали беспокойное время. На разваливающемся общественном строе их родовых объединений создавалась феодальная королевская власть. Проникшее в этот век к норманнам христианство стало сильным оружием в ее руках. Вожди родовых объединений, или кланов, крепко державшиеся за старые обычаи, терпели поражение. В стране отцов им больше не находилось места. И вот IX век становится свидетелем необычайного явления. Из глубоких фиордов Норвегии, Швеции и Дании отплывают одно-мачтовые большие ладьи, с высоким носом в виде головы мифического чудовища, с прямым парусом, способным выдерживать любую бурю: это вождь клана, викинг — морской король, со своими дружинниками — варягами уплывает в неведомую даль искать счастья. Домой ему возврата нет, — голова его оценена; бородатый викинг свиреп, как голодный волк, свирепы его дружинники, — для них тоже один путь — вперед за счастьем и добычей.

Много таких кораблей гибло в бурях и разбивалось о скалы. Многие подплывали к берегам Англии, Франции, Сицилии, Италии. Унесенные ветром — добирались до Исландии, Гренландии и даже до берегов Америки. Вытащив корабль на песок, викинг со своей дружиной кидался жечь и грабить мирное население. И там, смотря по обстоятельствам, норманны или оставались, чтобы властвовать над покоренным народом, или плыли дальше. Вторгнувшись в Англию, к англосаксам, они основали герцогство Нордкумберлендское, во

Франции — герцогство Нормандское, в Италии — Сицилийское и Неаполитанское королевства. Общим свойством этих германских варваров была и быстрая ассимиляция среди местного населения, способность полного растворения вплоть до потери языка.

Точно также, на раскрашенных ладьях, норманны пробирались в Ладожское озеро, на Ильмень-озеро и дальше — волоками — на Днепр. Несколько десятилетий продолжались эти разбойничьи набеги на славянские города и земли. Несомненно, варяги пользовались междуусобицами славянских племен. В это время между севером и югом, Новгородом и Киевом, шла борьба за обладание торговым путем Днепра и, тем самым, за первенство племенного государства, которое должно стать во главе исторически подготовленного объединения славянских племен.

Варяги не смогли прочно осесть по Волхову и по Днепру, как это они сделали в западной Европе. Когда они слишком надоедали грабежами, их били и прогоняли за море, о чем свидетельствуют наши летописи. Славянские племенные образования были уже крепки, сильны, изобильны и богаты; русские люди, как всегда, непугливы и задорны в драке, и разбойничьим шайкам варягов оставалось или уносить ноги на своих кораблях, или, переходя к мирному общению со славянами, растворяться среди них.

Слова Новгородской начальной летописи о призвании варягов, несомненно, варяжского происхождения. Так, в английской летописи IX века, писанной по-латыни, рассказывается о том, как островные туземцы англо-саксы отправили послов к норманнам, чтобы сказать им: «Земля наша обширна и изобильна, но порядка в ней нет, приходите править и владеть нами». Легенды о посылке к «великим организаторам» норманнам смиренных делегаций от разных народов, не могущих устроить у себя порядок, и единообразная формула: «Земля наша велика и обильна» и т. д. — изобретены самими норманнами, так же, как через одиннадцать веков немцы изобрели формулу спасения Европы от демократической анархии посредством насильственного введения фашистского «нового порядка».

На самом деле на Волхове и Днепре происходило так: Новгород был тем центром, куда свозились товары со всего Севера и Балтики. Торговый путь из Новгорода шел по Волге в Итиль и по Днепру в Византию. Но в IX веке, с ослаблением арабского владычества на востоке и упадком арабской торговли, столица хазар Итиль, центр торговли с Востоком, захудела, и Волга, как торговая артерия, уступила

место Днепру. За золотую дорогу Днепра и шла теперь борьба между Новгородом и Киевом.

В Киев, расположенный в замке всей днепровской водной системы, свозились товары в ладьях по рекам с севера и северо-востока. В Киеве оснащались тысячи гребных судов-однодеревов, и на них киевляне отправлялись в торгово-военные походы на Византию. В борьбе за золотую дорогу Новгород воспользовался варягами для перевеса сил: новгородские люди договорились с какой-то варяжской дружиной, у которой вся территория, думать надо, была на кораблях, бороздивших Ладожское озеро, да в отбитом у ильменских славян городе Ладоге. Князь этой разбойничьей дружины, — которого летописи называют Рюриком, был посажен на место новгородского князя. Сажание пришлого князя было против обычая старого родового строя, но строй этот уже безнадежно распадался, и новые обширные задачи племенного государства требовали новых чрезвычайных мер.

Не дремали и киевляне, — узнав об усилении Новгорода варягами, киевское вече переманило каких-то двух варягов, видимо рюриковых дружинников, Аскольда и Дира, с шайкой головорезов, прельстив их набегом на Византию. Действительно, Аскольд и Дир, сев в Киеве князьями, в скорости отправились в набег на берега Черного моря, пограбили их и подплыли к Цареграду. Но буря разметала киевские челны, и с Аскольдом и Диром домой вернулось немного народу.

К тому времени Рюрик умер. На княжение новгородское был выдвинут Олег, опытный и хитрый воин. Под его предводительством большое войско из новгородцев, варягов, кривичей, чуди и веси подплыло к Киеву и хитростью овладело городом. Аскольд и Дир были убиты, и Олег, сев в Киеве князем, сказал то именно, чего от него и ждали киевляне:

«Пусть Киев будет матерью городам русским».

Так Киев, завоеванный Новгородом, стал победителем в вековой борьбе и стал центром, к которому потянулись все славянские земли. В этой борьбе за объединение земли бродячие ватаги норманнов сыграли роль *исторического ускорителя*. Варяги не принесли своей культуры, потому что ее у них не было, кроме военного навыка бродячих головорезов, сплоченных жаждой грабежа, бездомностью и вечной опасностью. Варягами воспользовалась русская военно-торговая демократия, заинтересованная в скорейшем объединении всей земли. Варягов было мало, — через поколение они уже растворились в русском обществе; от них лишь оставались некоторое время варяжские имена, но и те больше не упоминаются после крещения Руси.

ШУМНЫЙ КИЕВ

Киевляне — воины-купцы — богатые гости; «градские старцы» и откупщики дани; дружинники, служившие позавчера местному князю Кию, Щеку или Хориву, а вчера — Асколду и Диру, а сегодня — Олегу; гридни или вои — участники военных походов, а в мирное время — кузнецы, оружейники, кожемяки, бондари и горшечники, всякие промысловые люди, носившие при бедре меч; вся пестрая, шумная, жадная до приключений, военной и торговой славы вольнолюбивая толпа киевлян — сходилась на вече и требовала от князя Олега широкого размаха в делах.

Дел у Киева было много: подчинить для уплаты дани южные и северные племена славян; высвободить из-под власти хазарских ханов восточные славянские племена и велеть им платить дань Киеву; одолеть хазар и разорить их столицу Итиль, чтобы отныне торговые дороги с богатого востока потянули мимо хазар на Днепр; заставить гордый Царьград дать Киеву доброе место у себя на мировом торжище.

Олег, выполняя волю киевского народа, ходил на северских славян, на родимичей, угличей и тиверцев и спрашивал их: «Кому дань платите?» Они отвечали — «Хазарам». Олег говорил им: «Не давайте хазарам, давайте мне». Он пошел на Царьград на двух тысячах однодеревок, по сорока мужей в ладье, сопровождаемый по берегу бесчисленным конным войском. Осадил Царьград и, наведя на греков страху, какого они до того не помнили, потребовал *беспошлинной* торговли с русской землей.

В этом походе русских на Царьград, так же как и в дальнейших, основной целью было не завоевание и не разорение великого города, как это сделали три века спустя германские рыцари — крестоносцы, предав огню Константинополь, разграбив дворцы, храмы и библиотеки и расколов античные статуи со всей германской жадностью разрушения, — русским важно было принудить греков к выгодной для себя торговле.

После легендарной смерти Олега, —

...Из мертвой главы гробовая змея,

Шипя, между тем, выползала;

Как черная лента вокруг ног обвилась,

И вскрикнул внезапно ужаленный князь...

княжить стал Игорь, вероятно — один из видных олеговых дружинников, человек свирепый и хищный. Киев в то время был отвлечен от крупных исторических задач тяжелой

борьбой с печенегами, появившимися в южных степях; при отсутствии естественных рубежей оборону от свирепых кочевников приходилось вести передвижными сторожевыми отрядами, куда вызывались охотники, храбрые и сильные витязи; имена их славились по всей земле и благодарная народная память оставила нам богатырские былины о своих верных защитниках родной земли.

Византия воспользовалась борьбой Киева с печенегами и нарушила олегов торговый договор. Тогда Игорь пошел на Царьград, жестоко разоряя все по пути. Византийцы разбили его дружину и ладьи сожгли «греческим огнем», бросаемым из медных труб с кораблей.

Узнав про это дело, поднялась вся киевская и новгородская земля, — во второй поход на Царьград пошло огромное народное ополчение, наняли печенегов в этот поход. Испуганные византийцы выслали навстречу русским послов с богатыми дарами; на берегу Дуная русские поставили деревянного идола Перуна, с серебряной головой и золотыми усами, и у его подножья приняли от византийских послов подарки, потребовали восстановить олегов договор и согласились не воевать дальше.

Киев ширился и богател. Самый город стоял высоко «на горех», обнесенный рвом и неперелазным тыном из обожженных дубовых бревен, с окованными воротами и бревенчатой шестизвенной башней; за оградой помещались деревянные, крытые камышом, княжий терем, гридня, где пила и ела дружина, поварни, погреба, конюшни. У подножья города по берегу Днепра, на Подоле, стояло множество рубленных домов, лагуг, землянок, кузниц, дворов ремесленников, торговых амбаров, обнесенных тыном. Здесь же на площади висел вечевой колокол. На площади и на ладьях у берега шел торг.

Вплотную к городу подходил великий бор, с таким множеством всякого крупного и мелкого зверя и птицы, что теперь и вообразить трудно. На лесных прогалинах становились сети, или «перевесища», для ловли козлов, зайцев и всякой пернатой дичи. В заводях Днепра били стрелами лебедей и гусей. На тuroв, оленей, кабанов и медведя ходили с рогастиной и ножом. В примыкавших к Киеву с юга — всего на один день перехода — степях били дикую лошадь, и там же бились с кочевниками.

Изобильна была земля и народ был силен и храбр и родную землю от врагов отстаивал не щадя живота своего. К тому времени народ уже покидал старые, родовые, тесные городища со скученными постройками, огороженными валом и тыном, и селился шире и вольнее, обычно — по течению

реки. Такие новые поселения, связанные общностью хозяйства и угодий, составляли волость, — она платила дань натурой: шкурами, мехами, воском, медом, льном, хлебом местному правителю — «пресветлому и великому» князьку, а он отдавал часть собранной дани Киеву.

Когда местный князек не мог справиться с заартачившейся волостью, или когда Киеву казалось мало дани — выезжал для сбора сам великий киевский князь с дружиной. Дани брались на-глаз — сколько захватит рука или позволит сила. Волости постоянно возмущались и восставали против чрезмерных поборов. Однажды осенью на покорение восставшего древлянского города Искоростеня вышел с дружиной князь Игорь. Примучил искоростеньцев, взял дань и отъехал было, но сказал: «Дай, похожу еще», и с малым числом дружинников вернулся и был в Искоростене убит.

Осталась править государством его жена, Ольга, псковитянка родом. Это была сильная, суровая, русская женщина широкого государственного ума — не в пример мужу своему, варягу Игорю. Она с большим трудом подавила древлянское восстание и начала проводить во всем государстве упорядочение системы взимания дани. Зимой в санях Ольга стала объезжать государство, в волостях повсюду ставила погосты, или административные центры, где на место «пресветлых князьков» сажала своих людей — бояр, или бояр — и задавала им взимать общие для всего народа «уроки», или нормы дани.

Силою центральной власти окрепшего государства Ольга привела в единый порядок и завершила всю систему, так называемого, варварского феодализма.

ВЕЛИКИЙ СЫН РУССКОЙ ЗЕМЛИ

В варварском Киевском государстве обнаруживаются два устремления, два исторических пути. Одно возглавляет Ольга, принявшая в Царьграде крещение, с нею — «градские старцы» — крупные землевладельцы, понимающие все выгоды новой феодальной системы, и те люди, кто так или иначе связан с Византией; это путь христианизации, принятие от Византии общественных отношений феодального порядка и мирное сожительство с ней.

Второй путь — это борьба языческого Киева с хазарами и Византией за первое место на востоке Европы. Об этом шумит на вече военная и торговая демократия, об этом за чашей меда стучат кулаками княжки усатые, чубатые дружинники, об этом в народе говорит молодежь — парубки с детскими глазами и плечами в косую сажень — те, кто мо-

жет повалить быка на бегу, как Микита-кожемяка. Это движение народное, языческое, идущее от сознания могущества и богатства своих непочатых сил.

Молодой Святослав, сын Ольги, всей своей природой, дерзостью ума, храбростью, упрямым устремлением воли — становится выразителем этих народных сил. Он любит свой народ, крепкий на руку и легкий на поступь; он любит свою необозримую землю, по которой течет широкий в половодье Днепр, чьи мутнозеркальные воды покрыты лодками и плотами и оглашаются песнями, на водопой из лесов выходят стада зубров, камыши трещат от кабаньих косяков, в заводи садятся стада лебедей; он любит своих языческих богов, созданных народным воображением сил изобилия природы, населяющих леса, реки и подполье каждого пещища: Стрибога, Дажьбога, скотского владыку — Велеса и более всех — бога побед Перуна. Распятый бог христиан ему не по вкусу, — за ним он ясно видит цепкие и коварные руки Византии.

Святослав — первый воин среди своих дружинников и воев. Войдя в мужскую крепость, он стал набирать войско и обучать его для суровых походов. Это была уже не олегова и не игорева дружина наемников и любителей приключений, живущая сбором дани и грабежом, — это народная рать, предназначенная для большого общерусского дела — борьбы с хазарским царством.

По замерзшим рекам большое киевское войско вышло на Оку и Святослав велел вятичам и другим славянским и финским племенам платить дань Киеву. За зиму построили ладьи на Оке и весной поплыли на Волгу и спустились до Камы. Здесь русских встретило хазаро-болгарское войско, Святослав разбил его и велел болгарам платить дань Киеву.

В устье Волги, между двумя рукавами, на острове стояла столица хазар, Итиль, обнесенная крепкими высокими стенами. Здесь жило, торговало, молилось по-своему в своих мечетях, церквах и синагогах множество разного народу, так как Итиль, как и все хазарское царство, было многонациональным объединением множества племен, под властью хана. Он жил здесь же со своей гвардией в двенадцать тысяч человек. Прежде в Итиль съезжались купцы со всего востока, и запада, и севера, теперь, с ослаблением власти багдадского халифата, дороги на восток стали не безопасны, купцы зарывали деньги в землю до лучших времен, караван сарай пустел.

Киевское войско, подплыв на ладьях к Итилю, сошло с лодок, полезло на стены и после кровопролитного боя взяло город и разрушило его так, что до сих пор не найдено

место, где он стоял. Отсюда Святослав двинулся на Северный Кавказ и взял хазарский город Семендер, а за ним — сильную крепость Серкел, построенную византийцами для хана, — близ нынешней станицы Цымлянской. Хазарское царство угасло. Святослав пошел далее — на Приазовье, где покорил под свою руку славянские племена, которые арабы называли царством Аркания, и, как надо думать, на месте нынешней Тамани основал княжество Тмутараканское.

Так, на востоке он раздвинул пределы русской земли до тех границ, которые через пятьсот лет пришлось снова очерчивать Ивану Грозному, но уже из иного, — Московского центра. Восточный поход Святослава был только частью огромной задачи — предстояло не менее трудное: заставить Византию, а с нею и европейский запад признать военную силу Киева и его торговое значение, как торжища и посредника между востоком и западом.

Святослав готовился к походу и выжидал случая, который не замедлил представиться: Византия, все еще называвшая туманный для нее славянский восток Тавроскифией и русских — скифами, сама позвала Святослава, как волка в овчарню, в поход против своего врага болгарского царя. С шестидесятитысячным войском Святослав быстро повоевал всю восточную Болгарию и через горные проходы вторгся в византийские провинции Фракию и Македонию. Тогда император, чтобы отклонить опасность от Константинополя, подкупил печенегов и они осадили Киев, где заперлась Ольга с внуками; но города печенеги взять не могли и сняли осаду, заслышав о возвращении Святослава.

Он вернулся из Болгарии в Киев и сказал матери: «Хочу жить в Переяславце на Дунае, там середина моей земли». Ольга сказала ему: «Похорони меня в Киеве, тогда иди куда хочешь...» В этом кратком сообщении нашей летописи выражен весь дерзкий замысел Святослава и молодых сил государства: сомкнуть границы Руси с Византией, соединить мир варварский и мир феодальный. Сделать это было исторически невозможно. Святослав потерпел поражение на этом пути, но зато впервые по миру прогремела слава русского воина в свидетельствах греческих историков, описавших войну императора Цимисхия со Святославом.

Покуда Святослав громил в южных степях печенегов, византийские политики переманили на свою сторону часть болгар. Святослав с войском немедленно вернулся в Болгарию, снова и жестоко повоевал ее и двинулся на Адрианополь. Мирные переговоры с послами императора ни к чему не привели. Святослав лишь сказал им: — Мы не бедные

ремесленники, но храбрые воины, мы придем к Царьграду и поставим наши шатры у ворот...

Первая большая битва между греками и передовым войском русских произошла под Адрианополем. Обе стороны разошлись, не решив дела. Всю зиму император готовился к весеннему походу и вызвал в помощь азиатские войска. «Как только весенняя ясность сменила зимнюю мрачность», император выступил в поход во главе знаменитой греческой тяжелой конницы, в тридцать тысяч всадников, за которой двигалось пешее войско и обозы с осадными орудиями. Двести кораблей с греческим огнем были посланы на Дунай, чтобы отрезать тыл Святославу, сидевшему с главными силами в городе Дористоле, на Дунае.

В ранний утренний час, при звуках труб, громе литавр и криках воинов, греческое войско появилось перед болгарской столицей Переяславцем. Русские и болгары, защищавшие город, вышли из ворот навстречу. «Русские подняли свои огромные щиты, обнажили мечи и с ужасным и странным воплем устремились на наше войско...» Город защищался отчаянно от огромного греческого войска, но стены были разбиты машинами, дома подожжены, запылал кремль, где сидел молодой болгарский царь Борис. Русские вышли из пылающего города, построились тесным строем и, окруженные, не обращаясь в бегство и не прося пощады, дрались, покуда не пали все.

После взятия столицы Болгарии, византийское войско подступило к Дористолу. Навстречу вышел Святослав со своей пехотой в двадцать тысяч воинов, в кольчугах, острых шлемах, с огромными красными щитами, суженными книзу.

Это была та самая русская пехота, про которую много веков спустя сказал один французский мемуарист, когда в Семилетнюю войну прусский король Фридрих был наголову разбит фельдмаршалом Салтыковым и Румянцевым: «С такой пехотой можно штурмовать ад...»

Император двенадцать раз водил в атаку свою блестящую конницу «бессмертных» и каждый раз она разбивалась о стену русских щитов и копий. Греки отступили и окопали свой лагерь, а русские окопали рвом город. Началась трехмесячная осада Дористола. По Дунаю подошли греческие корабли, но русские, чтобы спасти ладьи от греческого огня, вытащили их на берег. Город был окружен. Несмотря на вылазки за продовольствием, в городе начался голод. Грекам удалось подвести к стенам осадные машины и они бросали в город огонь и огромные камни. Русские отворяли ворота и атаковывали эти машины.

Греческий историк описывает одну из таких вылазок, когда

русские применили тот боевой прием, каким через три века Александр Ярославич разгромил крестоносцев на Чудском озере и который в наши дни широко практикуется в Красной Армии. Император построил свою тяжелую конницу клином и она стремительным движением врезалась в наступающую русскую пехоту; но русские не отступили, — правое и левое крыло их начало сжиматься, охватывая греческую конницу клещами; нападающие оказались окруженными; началась резня под «яростный рев скифов», и греки были спасены только тем, что в разгар сечи пал богатырь Икмор, заменявший в этом бою Святослава; русские, пораженные его смертью, отступили за стены.

Греческий историк, современник этих событий, и русский летописец, писавший по преданиям, рассказывают, что Святослав собрал военный совет, на котором многие говорили, что силы тают, помощи ждать неоткуда, нужно выбрать глущую ночь и попытаться бежать в ладьях по Дунаю.

Святослав, вздохнув от глубины души, ответил им: «Такого нет обычая у нас — спасать живот свой, убегая с поля брани, побежим — погибнет наша слава, сопутница русского оружия. Сразимся мужественно, ведь — либо жить победителями, либо умереть со славой. Мертвые бо сраму не имут...»

На утро русские вышли в бой все, способные владеть оружием. Святослав велел затворить ворота, чтобы не было соблазна укрыться в городе. Так же точно, через тысячу лет, во время осады Царицына белыми, товарищ Сталин издал приказ угнать из района Царицына далеко на левый берег Волги все суда, баржи и лодки, чтобы ни у кого не было и мысли отступить, но либо победить, либо пасть со славой.

Удар русской пехоты, во главе которой шел Святослав, был столь яростен, что греки не выдержали и побежали. Русские преследовали их и зашли так далеко, что императору удалось стянуть запасные войска, и в середине знойного июльского дня русские оказались окруженными. Святослав был ранен. Тогда русские устроили круговую оборону и — шаг за шагом — по телам убитых пробились к городу.

После этой битвы Святослав предложил императору мир. Иоанн Цимисхий охотно, без спора, согласился на его условия: пропустить свободно все русское войско с оружием, снабдив каждого воина мешком хлеба в дорогу, и восстановить попрежнему дружеские торговые отношения между Русью и Византией; он увиделся со Святославом на берегу Дуная; император был в золоченых доспехах и пурпуровых сандалиях, свита его красовалась доспехами и расшитыми

плащами. Русские плыли в лодке к месту свидания, — все они были в холщевых рубахах, заправленных в широкие шаровары, в грубых смазных сапогах. Один из гребцов, одетый так же — в холщевую рубаху и шаровары, но более чистые, чем у других, положив весло, которым он до этого греб, поднялся и спросил императора о здоровье. Это был Святослав. «Он был среднего роста, не слишком высок и и не слишком мал, — так описывает его греческий историк, — глаза у него были голубые и нос приплюснутый, густые брови, густые же свисающие усы и бритый подбородок; голова его была голая, лишь с темени на ухо спадал локон волос, зуб; стан — стройный, плечи широкие и шея толстая, в одном ухе висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубином; весь вид его был мрачный и дикий».

Он предложил императору сесть в ладью, на лавку, и так, сидя, они поговорили некоторое время о дружбе и о мире и расстались. Святослав отдал пленных и с войском поплыл в Киев. А император послал к печенежскому князю Куре, предупредить о том, что Святослав плывет домой с несметными сокровищами. Доплыв до днепровских порогов, Святослав послал войско берегом на Киев, а сам с небольшим числом воинов потащил лодки через пороги. Здесь напал на него Куря и убил Святослава, и из черепа его велел сделать себе чашу, чтобы, похваляясь, пить кумыс из черепа Святослава.

Беспечно и напрасно сложил Святослав свою голову. Но след его жизни оказался велик для русского государства. Было закончено соби́рание славянских племен, и вместо разноплеменных интересов дано им единое целеустремление; на весь мир прогремела слава русского оружия, недаром греки писали, что русские живыми не сдаются, но вонзают меч в свое чрево; были очерчены границы русского государства и очерчены шире, чем это было возможно и необходимо, в этом была ошибка Святослава.

Так или иначе его руками работала историческая необходимость. Русский народ создавал государство и оно входило, как мощный сотрудник в мир европейской цивилизации. При Святославе были заложены все основы для этого. Его сын, Владимир, соединил оба намеченных возможных пути — Ольги и Святослава: силой оружия и мудрой политикой укрепляя суверенность Руси, он не побоялся на место Перуна, свергнутого в Днепр, принять от Византии христианского бога и вместе с ним — на смену варварства — новый порядок феодальных отношений.

При Владимире, прозванном в народе Красным солнышком, было время долгого мира; спокойно трудился земле-

делец, не страшась кочевников, боявшихся перелезть через богатырские заставы, и сторожи, и валы, которые протянулись на сотни верст по степям; бойко и безопасно торговал купец — от Новгорода до Херсонеса Таврического и Царьграда; строился Киев; при Владимире широко раскрываются источники народного творчества и складываются старины (былины). При сыне его, Ярославе, французский, венгерский, норвежский короли посылают послов в блистательный Киев — просить в жены ярославовых дочерей, чтобы породниться с могучей восточной русской державой.

Таково начало Русской земли. «Германской расе» в ней не отведено места. Пусть будут вырваны и сожжены все страницы из школьных учебников, отравляющие сознание нашей молодежи немецкой ложью. Русский человек должен гордо нести голову через века прошлого в века будущего. Красноармейский штык в наши дни восстанавливает истину и честь великого русского народа.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

	Стр.
История Европы по-немецки	3
Переселение народов	5
Готы — по-немецки	7
Готы — на самом деле	7
Разгром Римской империи	9
Немцы о славянах	11
Немцы о России	12
Сорок столетий Киева	14
Анты	15
Славянизация Византии	16
Восточные славяне	17
Великий спор Новгорода с Киевом	18
Шумный Киев	22
Великий сын Русской земли	24

14/x²-18

Редактор П. Кушнер

Подписано в печать 6/X—1942 г. Печ. 2 л. 38 000 зн. в 1 п. л. Тираж 100 000 экз.
Л 96106. Зак. № 774. Цена 35 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига».
Москва, Краснопролетарская, 16.

35 коп.